

На правах рукописи

КРЫЛОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

**ОШИБКИ И ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ
В СЕВЕРНОРУССКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Отделе историко-культурных исследований русского языка
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук

Научный руководитель: доктор филологических наук, академик РАН,
главный научный сотрудник Лаборатории
лингвосомиотических исследований,
профессор Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”»
Гиппиус Алексей Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры русского языка филологического факультета
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова»
Галинская Елена Аркадьевна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русского языка филологического факультета Федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный университет»
Попов Михаил Борисович

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Институт языкознания Российской академии наук

Защита состоится «15» декабря 2026 г. в 16:30 на заседании
Диссертационного совета 24.1.113.01, созданного на базе Федерального
государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им.
В. В. Виноградова Российской академии наук, по адресу: 119019, г. Москва,
ул. Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте
(<https://ruslang.ru/>) Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор РАН Д. М. Савинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена анализу писцовых ошибок в берестяных грамотах XI–XV вв. из Великого Новгорода, Старой Руссы и Торжка.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ошибки и описки крайне редко становятся предметом специального изучения в русской исторической грамматике, являясь притом неотъемлемой частью любого древнего текста. В диахронической русистике отсутствует консенсус относительно того, какие отклонения от ожидаемого графического облика словоформ считать «ошибками», какие – «описками», а какие – отражениями на письме нерегулярных фонетических изменений. Далее для последних трех понятий мы используем гипероним «текстуальная аномалия».

Объект исследования – корпус берестяных грамот XI–XV вв. из Новгорода, Старой Руссы и Торжка, изданные до 2024 г. включительно. Новгородские пергаменные грамоты и Архивский список «Пчелы» используются как сравнительный материал.

Предмет исследования – текстуальные аномалии в берестяных грамотах, их разновидности, частотность, распределение во времени и по графическим позициям, а также механизмы их исправления писцами.

Цель работы – классификация ошибок, допускаемых писцами берестяных грамот, определение относительной частотности различных видов ошибок, сопоставление по этому параметру берестяных грамот с новгородскими пергаменными актами и книжной письменностью.

Задачи исследования:

1. Выявить достижения и недостатки существующих классификаций письменных ошибок в палеорусистике, текстологии и исследованиях дисграфии у носителей современного русского языка.
2. Выявить статистически значимые отклонения в распределении текстуальных аномалий по датировкам грамот и графическим позициям.

3. Сравнить частотность ошибок в берестяных грамотах и референтных памятниках пергаменной деловой и книжной письменности, проверив тезис А. А. Зализняка о сопоставимой частотности ошибок у писцов берестяных грамот и профессиональных древнерусских писцов.

4. Уточнить критерии выбора оптимального прочтения с учетом частотности различных видов ошибок; осуществить на этом основании корректировку прочтений отдельных берестяных грамот.

5. Проверить возможность статистического подхода к спорному вопросу летописной текстологии, используя полученные знания о частотности ошибок.

6. На основе разработанной классификации сформулировать критерии выявления русскоязычных пергаменных и бумажных грамот XIV – XV вв., написанных или переписанных иностранцами.

Научная новизна заключается в выработке классификации письменных ошибок оригинальных древнерусских текстов, не переписанных с антиграфа, а также в оценке частотности в берестяных грамотах ошибок каждого из выделенных классов на фоне современных им пергаменных текстов.

Теоретическая значимость состоит в разработке типологии писцовых ошибок не переписанных с антиграфа древнерусских текстов, в пересмотре сложившихся в последние десятилетия представлений о низкой частотности ошибок в берестяных грамотах, а также в выработке критериев выявления иностранных писцов и переписчиков древнерусского текста.

Практическая значимость определяется возможностью использования полученных статистических данных при прочтении новых берестяных документов и корректировки чтений грамот, найденных при раскопках прежних лет, а также для решения спорных вопросов текстологии памятников славянской книжной письменности, в том числе летописных.

Методология и методы исследования. Общий подход к текстам берестяных грамот, используемый в диссертации, опирается на принципы их лингвистической интерпретации, разработанные А. А. Зализняком. Используются также методы статистического анализа, позволившие выявить неравномерное хронологическое

распределение некоторых классов ошибок. В 5-й главе используется, в приложении к тексту «Повести временных лет», методологический аппарат рукописной текстологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Классы текстуальных аномалий, хотя бы иногда исправляемых авторами берестяных грамот, по умолчанию следует рассматривать как простые описки, не ища для них фонетического объяснения. Классы аномалий, ни разу не исправленных авторами, могут такое объяснение получить.

2. Частотность описок в берестяных грамотах как минимум вдвое выше, чем в пергаменных договорах Новгорода с князьями. По насыщенности описками берестяные грамоты расположены между современными им переводными текстами закрытой рукописной традиции и списками дипломатических актов, созданными писцами ганзейских городов, не владевшими русским языком.

3. Презумпция безошибочности текста иногда приводит к необходимости предполагать лексические и грамматические гапаксы, что, тем не менее, не дает удовлетворительной интерпретации текста. Предположение об одной сверхчастотной опiske (пропуске слога) в грамотах № 141 и № 600 устраняет и лингвистические, и прагматические их странности. Таким образом, знание типологии описок – не менее важный ресурс интерпретации древнего текста, чем знание языка, на котором он написан.

4. Знание частотности механических описок помогает решать спорные вопросы стемматики текстов закрытой рукописной традиции. Даже одна общая описка двух списков, если она достаточно редка, способна доказать их происхождение от общего архетипа. К таким опискам относится, в частности, пропуск одиночной согласной.

Апробация работы. Основные положения работы были апробированы в четырех публикациях в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук (их перечень см. в конце настоящего автореферата), а также в докладах на международных

научных конференциях: «Новгород и Новгородская земля: письменность и книжность» (Великий Новгород, 2019, 2023, 2025), «Древняя Русь глазами молодых исследователей» (Москва, 2022–2025), «Историко-филологические чтения» (Великий Новгород, 2024), «Мемориальная конференция к 90-летию академика А. А. Зализняка» (Москва, 2025), «Слова, тексты, словари» (Москва, 2025), «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» (Санкт-Петербург, 2026), «Грамматические процессы в синхронии и диахронии» (Москва, 2026).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка литературы, списка источников, списка справочных изданий и двух приложений.

Первая глава представляет собой очерк истории классификаций письменных ошибок в исследованиях дисграфии, теоретической текстологии и русской исторической грамматике, а также включает § 1.7, посвященный истории вопроса о частотности ошибок в берестяных грамотах. Вторая глава представляет собой предлагаемую к защите классификацию всех писцовых ошибок в рассматриваемом корпусе берестяных грамот, ее обоснование, полные перечни ошибок каждого класса, а также графики хронологического распределения ошибок выделенных классов. В третьей главе проводится сравнение частотности ошибок в севернорусских берестяных грамотах, пергаменных договорах Новгорода с князьями и Архивском списке «Пчелы». В четвертой главе на примере двух берестяных грамот демонстрируется, что предположение о сверхчастотной ошибке в трудном участке древнерусского текста обладает бóльшим интерпретационным потенциалом, чем презумпция безошибочности текста. В пятой главе демонстрируется текстологическая значимость полученных во второй главе данных о частотности описок; обосновывается формула расчета вероятности того, что два переписчика одного текста допустили одинаковую ошибку в одном и том же месте независимо. В шестой главе устанавливаются достаточные (но не необходимые) критерии определения текста на древнерусском языке, написанного или переписанного иностранцем; показано, что ни одна берестяная грамота под эти критерии пока не подпадает, зато выявляется пять таких текстов среди списков

пергаменных и бумажных новгородско-ганзейских грамот XIV – XV вв. Приложение 1 содержит сводный каталог описок в пергаменных договорах Новгорода с князьями; Приложение 2 — сводный каталог описок Архивского списка «Пчелы».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** к диссертации приводится ее общая характеристика, а также определяется рабочий термин *актуальное прочтение* берестяной грамоты: оно получается последовательным применением к тексту каждой грамоты в ее первом издании всех поправок, которые были высказаны по ее поводу в [Зализняк 2004]¹, [НГБ XII] и [Гиппиус, Сичинава 2021]. Материал исследования, кроме специально оговоренных в Главе 2 случаев, взят из актуального прочтения каждой грамоты.

Глава 1 «Из истории исследования письменных ошибок» посвящена обзору научной литературы, посвященной ошибкам письма, в области логопедии и нейропсихологии (§ 1.2), теоретической текстологии (§ 1.3) и палеорусистике (§ 1.4 – § 1.8).

В § 1.1 вводится терминологическое разделение ошибок письма на «экспрессивные» (ошибки порождения текста) и «импрессивные» (ошибки восприятия антиграфа). Поскольку подавляющее большинство текстов берестяных грамот созданы в момент написания, а не переписаны с уже имеющегося текста, ошибки в них, за исключением единичных случаев, должны считаться экспрессивными.

В § 1.2 рассматривается история изучения экспрессивных ошибок у русскоязычных дисграфиков [Токарева 1969], [Правдина 1969], [Корнев 1997], [Лалаева 2006], [Хватцев 2010], [Величенкова, Русецкая 2015], [Ахутина 2018]. В отличие от Международной системы классификации болезней, объединяющей все расстройства письменных навыков под общим кодом 6A03.1, в отечественной научной традиции принято разделять дисграфии на несколько видов в зависимости от набора симптомов – наиболее характерных для пишущего видов ошибок. Однако каждый из упомянутых исследователей создавал и собственную классификацию симптомов, и собственную классификацию нарушений письма. Подробные обзоры истории «эрратологических» исследований в психологии даны в [Красиков 1980], [Калягин 2025]. Из количественно-статистических

¹ Расшифровки сокращенных названий см. в Списке литературы в тексте диссертации.

исследований на материале русского языка стоит отметить [Гурьянов, Щербак 1950].

В § 1.3 кратко рассматриваются классификации ошибок в теоретической текстологии [Перетц 1922], [Лихачев 1962], [Алексеев 1999]. Наиболее подробна оригинальная классификация Д. С. Лихачева, однако в том, что касается рассматриваемых нами «экспрессивных» ошибок, она неполна.

§ 1.4 посвящен истории исследования писцовых ошибках в русской исторической грамматике. На заре становления палеорусистики (в трудах А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, П. Л. Лавровского) писцовые ошибки указывались при издании рукописей, но в лингвистическом описании рукописей почти не рассматривались. На важность отделения писцовых ошибок от фактов истории языка впервые указал В. А. Богородицкий [1881]. Наконец, после полемики с И. В. Ягичем [1889], А. И. Соболевский [1902] создает первую попытку классифицировать писцовые ошибки. В дальнейшем свои классификации создают ученики Соболевского, Л. Л. Васильев [1905, 1907] и Н. М. Каринский [1909]. Свои классификации после этого создавали В. А. Богородицкий [1909, 1911, 1915] и Н. Н. Дурново [1924]. В эту эпоху исследователи не считали нужным обосновывать, почему выделенные ими типы ошибок не подлежат фонетической трактовке и, наоборот, почему рассматриваемые ими редкие факты языковой истории не могут быть объяснены случайными описками. Из приведенных классификаций нет хотя бы двух тождественных между собой.

Писцовые ошибки древнерусской рукописи впервые становятся темой специального исследования в работе О. В. Малковой о Галицком Евангелии 1266 – 1301 гг. [Малкова 1979]. Исследовательница первой обратила внимание на то, что к ошибкам должны быть отнесены «все случаи, где писец произвел правку. Здесь писец сам признал факт неадекватного воспроизведения текста». О. В. Малкова разделила все ошибки на три крупных класса – пропуски, вставки и замены. Первые и последние приведены в статье полностью; для вставок приведена лишь общая количественная оценка.

Вскоре обширный экскурс о писцовых ошибках публикует В. В. Колесов во «Введении в русскую историческую фонологию» [1982, 2008]. Ученый приходит к парадоксальному выводу о том, что «все типы ошибок, произведенных в границах слога, фонетически и фонематически содержательны и являются отклонениями, а не ошибками», вновь указывая на нерешенность проблемы отделения лингвистически неинформативных описок от фактов истории языка.

В § 1.5 подробно проанализированы кратко перечисленные в той же работе В. В. Колесова дискуссии специалистов по истории русского языка по поводу отнесения тех или иных написаний из памятников к опискам или к отражениям фонетических явлений.

В § 1.6 рассматриваются три лингвистических описания памятников, в которых была произведена полная роспись их ошибок: Бычковско-Синайской Псалтири кон. XI – нач. XII в. [Кривко 1998, 2004, 2015], Лобковского и Псковского Прологов XIII в. [Шевчук 2003] и Милятина Евангелия XII в. [Мольков 2015], а также, по-видимому, вторая в истории славистики статья, специально посвященная опискам в памятниках, на этот раз старославянских [Miltenov 2018].

§ 1.7 ставит целью проанализировать факты истории «берестологии», приведшие А. А. Зализняка, на чьих трудах основан современный подход к лингвистической публикации и комментированию берестяных грамот, к убеждению о том, что в них «мы имеем дело не с малограмотностью, а с особыми, ранее неизвестными графическими системами» [Зализняк 1986]. Как оказалось, из всех исследователей до А. А. Зализняка (1951 – 1981 гг.) только В. А. Матвеев [1956] считала смещения еров с гласными полного образования свидетельством «крайней безграмотности писцов». Безотносительно квалификации «бытовых графических систем» называл берестяные грамоты «остро малограмотными» Р. И. Аванесов [1955]. А. В. Арциховский и В. И. Борковский не делали обобщающих выводов об уровне владения письмом у авторов грамот. Однако А. В. Арциховский зачастую неверно идентифицировал трудночитаемые буквы на плохо сохранных участках бересты, в связи с чем в полученном тексте ему (и в еще большей степени В. И. Борковскому, делавшему лингвистическое описание

подготовленных Арциховским текстов) часто приходилось предполагать писцовые ошибки там, где их в действительности не было. Массовый и чрезвычайно успешный пересмотр этих чтений А. А. Зализняком дополнительно укрепил его веру в то, что ошибки в берестяных грамотах «представлены редко – не чаще, чем в пергаменных грамотах» [Зализняк 1986]; «...не чаще, чем в рядовых памятниках книжной письменности» [Зализняк 2004]. Тем не менее, точных подсчетов количества ошибок в сравниваемых корпусах текстов А. А. Зализняк не проводил – таким образом, этот тезис нуждается в проверке.

§ 1.8 посвящен той классификации ошибок и исправлений, которую предложил А. А. Зализняк [1986, 2002]. В дальнейшем мы широко используем введенное им противопоставление орфографических и графических ошибок (графическая система – «инвентарь графем и основных правил их употребления при передаче фонем», орфография – «совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна»). Деление же на «описки (ошибки, вызванные психофизиологическими причинами, связанными с механикой письма)» и «собственно ошибки (вызванные другими причинами, в частности, незнанием или несоблюдением каких-то правил)», как признает сам А. А. Зализняк, «не стопроцентно четкое» и отражения в принципах издания берестяных грамот не получило, в связи с чем мы его не используем.

О. В. Малкова и В. В. Колесов определяли ошибку иначе, а именно как расхождение между планом и реализацией речевого намерения.

В § 1.9 суммируются перспективы исследования письменных ошибок на материале берестяных грамот: 1) создание подробной и непротиворечивой классификации ошибок в берестяных грамотах, как исправленных, так и не исправленных авторами; 2) точное указание частотности ошибок каждого класса и сравнение этого параметра с данными письменности на пергамене.

Глава 2 «Классификация и частотность текстуальных аномалий берестяных грамот» представляет собой комментированный каталог ошибок и описок берестяных грамот с указанием частотности ошибок каждого класса. В

нескольких параграфах также отмечаются особые группы словоформ, не содержащих ошибок, но которые легко спутать с действительно ошибочными.

В § 2.1 делаются вводные замечания о принципах составления каталога ошибок. Отмечается, что существующая терминология при описании ошибок в ряде случаев неточна: так, «повтором» и «повторением» называется как диттография (удвоение только что написанной буквы), так и, в нашей терминологии, «реитерация» буквы (замена буквы на одну из предшествующих). Аналогично, «предвосхищением» иногда называется антиципационная «инсерция» (вставка одной из последующих букв), а иногда – антиципационная «субституция» (замена буквы на одну из последующих).

Далее, в § 2.1.1 предлагается девятичастная классификация исправлений:

- AD – правильные буквы приписаны справа от ошибочных, причем последние писец забыл зачеркнуть (*adscriptio*);
- CANC – ошибочные буквы зачеркнуты (*cancellatio*);
- DEFR – ошибочные буквы затерты (*defrictio*);
- INTER – правильная буква вставлена в строку между изначально написанными (*interscriptio*);
- SEMI – ошибочная буква брошена недописанной (*semiscriptio*);
- SUB – недостающая буква мелко подписана под строкой (*subscriptio*);
- SUPER – недостающая буква мелко надписана над строкой (*superscriptio*);
- RE – правильные буквы написаны поверх ошибочных (*rescriptio*);
- LIG – ошибочная буква переделана в правильную лигатурным объединением с соседней (*ligatura*).

В § 2.1.2 приводится таблица хронологического распределения материала определенных графических позиций (отдельных букв, только согласных, только гласных, одиночных согласных, биконсонантных кластеров, триконсонантных кластеров, тетраконсонантных кластеров, гласных после гласных), используемых на протяжении главы для построения графиков распределения разных типов ошибок.

В § 2.1.3 расшифровываются используемые в каталогах ошибок условные обозначения.

§ 2.2 описывает 14 случаев исправления одних допустимых в рамках «бытовой графической системы» написаний в берестяных грамотах на другие, например, *навело́ва* → *навѣлова* 277. Остальные 348 исправлений, отмеченных в берестяных грамотах, относятся к графически недопустимым, т. е. ошибочным написаниям.

§ 2.3 описывает 25 случаев неисправленных лишних букв в берестяных грамотах, не являющихся чистыми диттографиями. Из них три (*з{p}авриа* 503, *ч{в}тьвьрть* 219, *з{p}аврили* 1073) должны быть трактованы как инсерции (вставки) второй согласной следующего слога (тратовка этих написаний как отражений ошибки внутреннего диктанта или механических описок – вопрос открытый). Пример *п{с}огоста* 102 также трактуется неоднозначно. Остальные случаи (21 пример) предпочтительнее считать не вставками лишних букв, а «недоисправлениями» типа AD.

В § 2.4 предпринята попытка статистической проверки гипотезы, в свое время высказывавшейся А. И. Соболевским [1884/2004, 1897, 1910/2006], о связи удвоений гласных с отражением на письме их долготы или ударности. Материал берестяных грамот (8 исправленных диттографий прикрытой гласной, 9 неисправленных, 2 исправленных диттографий неприкрытой гласной, 1 исправленная) показывает, во-первых, что это часто исправляемая ошибка, вполне осознававшаяся писцами в качестве таковой. Если рассматривать прикрытые и неприкрытые гласные вместе, то гипотеза о повышенной вероятности ошибочного удвоения ударных гласных может всерьез не рассматриваться (все три диттографии неприкрытых гласных приходятся на заведомо безударные слоги). Для выводов о наличии такой связи только у неприкрытых гласных материала берестяных грамот пока недостаточно (есть 7 надежных диттографий ударной гласной, 7 – безударной и три примера, в которых реконструкция ударения не вполне надежна; соотношение ударных и безударных гласных в древнерусском тексте примерно 1 : 2,27).

В § 2.5 рассматриваются прочие диттографии: согласных (9 испр., 17 неиспр.), прикрытых слогов (18 испр., 16 неиспр.), «антислогов» (т. е. последовательностей вида «гласная + согласная»: 1 испр., 2 неиспр.), слов (1 испр., 5 неиспр.), а также дистантные повторы второстепенных членов предложения (все 5 – неиспр.). Все рассмотренные в § 2.3 – 2.5 ошибки либо распределены хронологически равномерно, либо слишком редки, чтобы делать выводы об их хронологически неоднородном распределении.

В § 2.5.4 делается отступление о моделировании эволюции системы обучения письму. Предполагается, что в наиболее ранний период (до 1-й четв. XII в. включительно) большинство авторов берестяных грамот после начального этапа обучения (чтения по складам) проходили более профессиональную каллиграфическую подготовку, что позволяет объяснить тот факт, что практически все рассмотренные виды ошибок в этот период, если и встречаются, то исправляются авторами. Примерно со 2-ой четверти XII в. процесс обучения письму «демократизируется», и большинство пишущих больше не проходят «каллиграфический» этап обучения. С сер. XII в. в связи с возникновением в русской фонетической системе закрытых слогов часть пишущих обучаются обозначать на письме закрытые слоги (*пош*, *лош*, *ран*, *ньх*), что позволяет объяснить графическую систему грамоты Ст. Р. 10. Другая часть пишущих начинает активнее использовать «немые гласные» ъ, ь и их графические дублиеты для искусственного разбиения скоплений согласных на два графических слога, что объясняет возникновение т. н. «эффекта скандирования» [Зализняк 2004, Петрухин 2020]. Третья реакция системы обучения письму на падение редуцированных зафиксирована в грамоте № 707 (кон. XIII в.) с межслоговой интерпункцией, где новые консонантные сочетания объединены в открытые слоги (*вне*, *рта*). Четвертая реакция состояла в том, что пишущих обучали записывать фонетические слова целиком, без деления на слоги (первая фиксация межсловной интерпункции – грамота № 335 последней трети XII в., резкий рост числа таких грамот начинается в кон. XIII в.).

§ 2.6 посвящен перестановкам соседних согласных (других перестановок в рассматриваемом корпусе грамот не встретилось). Все эти случаи не исправлены авторами. Только две перестановки происходят внутри кластера с восходящей звучностью (*чевтероткъ* 492, на *ргигорьи* 162) – эти случаи трудно рассматривать иначе как простые описки. 8 случаев приходится на кластеры согласных, недопустимые в раннедревненовгородской фонотактической системе, и приводят к образованию столь же недопустимых кластеров: *ко покѣ* 750, *макти* 1102, *те{е}ретнию* 1097, *нмого* 391, *новгороцѣ*... 281, *вицина* 248/249, *т кобѣ* 243, *жри* 299. Еще 13 перестановок происходят в парах согласных на стыке двух слогов, которые в результате становятся как бы частью одного слога. 7 из них приходится на имена *Маскимъ*, *Олеска(н)дръ*, *Олеска* и их производные – лексикализация этих перестановок в заимствованных антропонимах несомненно говорит об их фонетической реальности. Оставшиеся 6 случаев: *свѣхъ* 906, [оу кѣ~~пр~~]е[ла]н[о] 649/650, *уомилоседри[с]а* 765, *смедри* 99, *пролива|юста* 317, *кланѣсме* 406. Отсутствие исправлений и диалектные примеры *незля*, *невры*, *неврый* [СРНГ] позволяют предполагать за второй и третьей группой перестановок фонетическую реальность. За исключением *свѣхъ* 906 (XI в.) и *Олъскынъ* 548 (XII в.), все перестановки согласных относятся к позднедревнерусскому периоду и связаны, очевидно, с непривычкой отражать и в произношении, и на письме новые консонантные сочетания, возникшие после падения еров.

Еще два примера инверсии соседних согласных есть в сокращениях: *гринво* 395, *сѣто* 1077.

В § 2.7 рассмотрены пропуски – наиболее многочисленная категория описок.

В § 2.7.1 рассматриваются пропуски одиночных согласных (составляющих от 58 % всех согласных древненовгородского текста в поздний период до 71 % в ранний). На них приходится 24 исправленных и всего 5 неисправленных пропусков. Три из пяти неисправленных пропуска одиночных согласных представляют собой случаи соседства с внешне похожими буквами: *ни и<н>ого* 765, *тѣрпи<л>а* 348, *коро<б>ѣа* 568; еще два – на пропуск *т* перед *и* (что,

возможно, объясняется схожестью моторной программы при написании вертикалей и горизонталей): нога<т>и 219, пода<т>и 463.

Как показано в § 2.7.2 – 2.7.6, на первую из двух рядом стоящих согласных приходится 37 исправленных и 11 неисправленных пропусков; на вторую из двух – 29 исправленных и 13 неисправленных; на первую из трех – 8 неисправленных, на вторую из трех – 6 исправленных и 5 неисправленных, на третью из трех – 6 исправленных и 3 неисправленных. Таким образом, именно на скопления согласных приходится подавляющее большинство неисправленных пропусков, несмотря на то что одиночные согласные составляют почти две трети от общего их числа. В число пропусков согласных не включаются: а) упрощения кластеров, восходящих к *чъс, *тъс, *дьс (в т. ч. <*дес), *тъч, *чът, *чъст, *стъск, *щъск, *жъск, *шьск, *стыц, *стыб, *стын, *здын; б) утрата *н* в именах *Олескадръ~Олексадръ* и *Одръи*, произошедшая, вероятнее всего, на русской почве и несомненно фонетическим путем; в) утрата *н* в *Костантинъ* и *Кодратъ*, отраженная еще старославянскими памятниками [CCC, SJS]. Четырехкратный пропуск второго *с* в *сестра* 531 (на фоне однократного правильного написания) и четырехкратный пропуск *с* в прилагательных на *-нскии* 519/520 (один из которых исправлен автором) трактуются как устойчивые описки двух авторов, отражающие не их произношение, а трудности, возникавшие у них с написанием складов, содержащих кластеры из трех согласных.

В § 2.7.7. – 2.7.8 рассматриваются пропуски гласных (кроме особых случаев, перечисляемых в [Зализняк 2004: 71–74]). Если хронологическое распределение пропусков прикрытых гласных (34 исправленных, 55 неисправленных случаев) практически идеально соответствует распределению объема материала, то частотность пропусков неприкрытых гласных (всего 19 исправленных, 41 неисправленный случай) несколько увеличивается примерно в сер. XIII и особенно значительно – в сер. XIV в.:

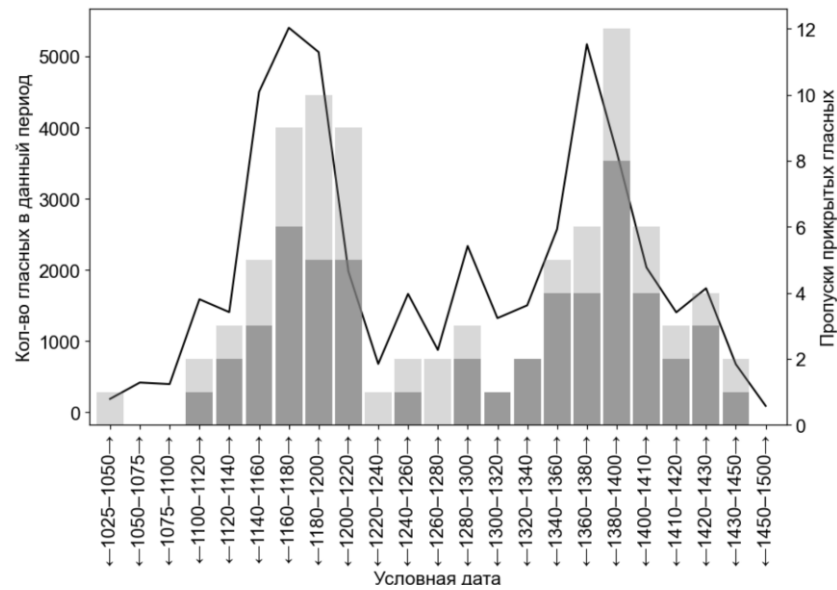

Рис. 1. Распределение пропусков прикрытых гласных на фоне распределения всех гласных.

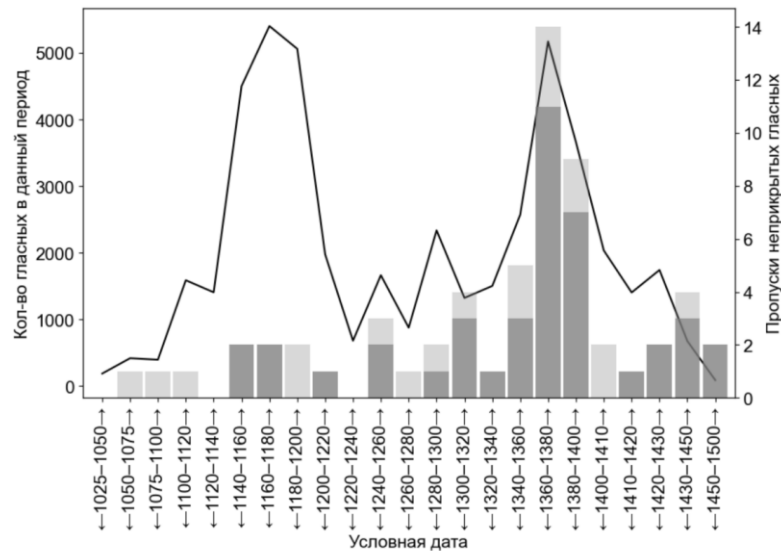

Рис. 2. Распределение пропусков неприкрытых гласных на фоне распределения всех гласных.

Объяснение этому факту может состоять в утрате интервокального [j] в части диалектов в указанный период и стяжению двух соседних гласных в дифтонгоид, не воспринимавшийся писцами как бифонемное сочетание и обозначавшийся на письме по первому своему элементу. На характер распределения материала не влияет включение или исключение случаев утраты поствокального и [j].

В § 2.7.9 рассматриваются пропуски второго элемента диграфа *ou* (3 неисправленных случая). От них следует отделять примеры *без дво 1*, *гозѣ 330*, *блодила 129*, *кодринихъ 1077* – в этих почерках фонема /у/ (после согласных или вообще) не выражается диграфом. Особо стоит и пример *коровою 531*, поскольку

единственная параллель к употреблению этого бранного корня в древнерусском языке – *корвинъ сынъ* (РНБ, Ф.п.I.2, л. 275 об.) – также содержит *о* вместо *у*. Обилие среди представленных примеров лексики «телесного низа» заставляет вспомнить еще одно слово с аналогичной заменой /y/ на /o/, вошедшее в современный русский язык [Зализняк 2013] и видеть в данной замене единый древнерусский эвфемистический механизм.

Пропуски прикрытых слогов (§ 2.7.10) – наиболее частотная ошибка (58 испр., 60 неискр.). Примеры *не<ре>дѣ* 1170 и *не<ре>дѣ* 142, *бу<де>ше* 277 и *бу<де>ть* 1097, а *не хо<че>шь* 1126, вслед за актуальным прочтением, трактуются нами не как описки, а как аллегривные формы. Особо рассматриваются в § 2.7.11 пропуски слогов после консонантной финали предыдущих (4 испр., 2 неискр.).

В § 2.7.12 разбираются прочие пропуски: «антислога» (1 испр., 3 неискр.), слова под титлом (1 испр.), двух графических складов подряд (4 испр., 1 неискр.).

§ 2.8 посвящен тем классам замен одной буквы на другую, которые хотя бы иногда исправляются авторами. В нем не рассматриваются те случаи, которые допускают отнесение ошибки к двум и более классам.

В § 2.8.1 рассматриваются т. н. «визуально-ассимилятивные» субституции, т. е. замены букв на внешне похожие (13 испр., 19 неискр.). К внешне похожим буквам, очевидно, следует относить пары *и* и *и*, *ш* и *щ*, *с* и *ѣ*, *а* и *л*, *в* и *б*, *ѣ* и *б*, *а* и *л*, *ь* и *ѣ*, *ю* и *о*. Однако по крайней мере для некоторых почерков есть основания считать похожими также пары *р* и *ь*, *р* и *б*, *р* и *а*, *о* и *а*, *т* и *и*. В частности, как визуально-ассимилятивная субституция объясняется странный пример *Даброжира* 228, который в противном случае должен был бы представлять наиболее ранний (XII в.) в истории русского языка пример аканья, причем в почерке, отражающем новгородскую диалектную морфологию.

§ 2.8.2 посвящен предвосхищениям гласных ближайшего слога справа (15 испр., 32 неискр.), напр., *рукопасаниѣ* вм. *рукописаниѣ* 1077. Показано, что нет специальных статистических оснований видеть в части этих случаев нерегулярное фонетическое изменение, несомненно, затронувшее когда-то в истории русского

языка некоторую часть исконной лексики (*теперь*, *ребенок*, *сидиши*, *дитина* в предударном слоге, *тѣнькъ*, *мѣдълъ*, *откѣлъ* под ударением) [Соболевский 1893, 1894/2006, 1907/2004]. Достоверных случаев предвосхищения второй справа гласной в берестяных грамотах нет.

§ 2.8.3 рассматривает, напротив, реитерации ближайших гласных (31 испр., 22 неискр.), напр., *створо* вм. *створа* 788, и гласных второго слога слева (2 испр., 2 неискр.). В нескольких грамотах (№№ 278, 307, 361, 477, 750, 962, 1088, 1242) эта ошибка встречается более одного раза. Последние две, предположительно, принадлежат дисграфикам. Вопрос о том, не являются ли и эти текстуальные аномалии фонетически показательными, практически не поднимался (ср., однако, [Колесов 2008]). В § 2.8.4 отдельно перечисляются случаи подстановки вместо данной гласной гласной обоих соседних слогов, т. е. реитерации и антиципации одновременно (5 испр., 9 неискр.).

§ 2.8.5 и § 2.8.6 демонстрируют крайнюю немногочисленность предвосхищений и реитераций согласных на фоне аналогичных ошибок для гласных (предвосхищения ближайших: 3 испр., 1 неискр.; через слог: 1 испр., 1 неискр.; реитерации ближайших: 1 испр., 3 неискр.; через слог: 2 испр.).

§ 2.9 посвящен тем классам субституций, которые никогда или почти никогда не исправляются авторами.

В § 2.9.1 рассмотрены 5 непозиционных озвончений согласных (все – в двух почерках, № 905 + 908, кон. XI в. и № 1192, сер. XII в.) и 9 непозиционных оглушений согласных (все – не ранее кон. XIII в.). На «дополнительное хронологическое распределение» этих двух видов замен в берестяных грамотах ранее не обращалось внимание исследователей. Анализируя материал других памятников (в т. ч. иностранных записей старорусской речи) и современных диалектов с непозиционными менами глухих и звонких, исследователи выдвигали версии, что это отражение прибалтийско-финского субстрата [Ларин 1959], фонологической перестройки после падения редуцированных [Колесов 1963] или наличия в севернорусском наречии корреляции согласных не по глухости / звонкости, а по напряженности / ненапряженности [Касаткин, Касаткина 1992,

Касаткин 1999]. В настоящей работе выдвигаются сразу две альтернативные объяснительные модели: в примерах из берестяных грамот можно видеть 1) отражение нарушений фонематического слуха у русских писцов, не испытавших влияние субстрата, и 2) ошибки в обозначении глухости-звонкости при шепотном внутреннем диктante. В последнем случае непозиционные озвончения из двух ранних грамот можно объяснять механизмом гиперкоррекции, а непозиционные оглушения из более поздних грамот – более прямолинейным отражением шепота.

В § 2.9.2 приводится материал непозиционных смягчений и отвердений согласных. Он проявляется на письме во взаимозаменах *ы~и* и *у~ю* (15 неисправленных написаний). Что касается взаимозамен в парах *а~я* и *ъ~ь*, то (4 испр., 27 неисправ.), то они принципиально не могут быть отнесены к этой категории с полной уверенностью, поскольку все они могут отражать не только нарушение указанной фонетической корреляции, но и визуально-ассимилятивную субституцию (с чем, по-видимому, и связано наличие исправлений). Можно было бы добавить сюда также взаимные мены *о~е*, однако в существующей лингвистической традиции принято рассматривать мены *е* на *о* перед твердыми согласными как сознательную передачу [’о], перед мягкими материал ограничен двумя формами, допускающими иную трактовку (*воликомо*, *на хомолю*), а для единственной обратной мены (*хедыле* вм. *ходи́ле* 131) – постулируется уникальный фонетический переход [Зализняк 2004].

В § 2.10 приводятся специальные объяснения для 4 неисправленных субституций гласных, не попадающих ни в один из приведенных выше классов (*восопрашеети* 68, *поль питъ* 1050, *жсюши* 462, *хръстьяну* 307). Кроме того, рассматривается единственный исправленный пример мены плавных (с *овлемовими* 191/192). В § 2.11 рассматриваются субституции (8 испр., 9 неисправ.), попадающие более, чем в один класс.

В Главе 3 «Сравнительная статистика описок в берестяных грамотах и пергаменных рукописях» производится сравнение общей частотности ошибок в берестяных грамотах с современной им 21 новгородской пергаменной грамотой и Архивском списке «Пчелы» XIV/XV в.

В рассматриваемом пергаменном корпусе 43 неисправленных писцовых ошибки на 8727 слов (т. е. около 4,92 ошибок на 1000 словоформ). В берестяных грамотах этот показатель выше более чем в 3,78 раза: объем материала в нем 22954 словоформы, а неисправленных ошибок всех рассмотренных выше видов суммарно 427 (т. е. ок. 18,6 ошибок на 1000 словоформ). В «Пчеле» – 693 ошибки (не считая написаний, ошибочных с точки зрения книжной, но не бытовой графической системы) на 45064 словоформ, т. е. ок. 15,4 ошибки на 1000 словоформ.

Таким образом, по насыщенности графическими ошибками берестяные грамоты опережают не только современные им новгородские пергаменные грамоты, написанные профессиональными писцами, но и переводной, не всегда внятный книжный текст закрытой рукописной традиции. Это говорит о том, что господствующее последние несколько десятилетий представление о равной лингвистической показательности данных берестяных грамот и продукции профессиональных писцов необходимо существенно скорректировать: хотя в первых действительно чаще могут встретиться черты диалектной фонетики и морфологии, но при излишнем доверии к показаниям берестяных текстов есть риск принять широко распространенную ошибку или опisku за отражение редкого языкового явления.

В Главе 4 «Предположение об ошибке как ресурс интерпретации берестяных грамот» подробно рассмотрены две берестяные грамоты, в которых презумпция безошибочности текста завела прежние интерпретации в тупик.

В § 4.1 рассматриваются три аномальные словоформы в тексте берестяной грамоты № 141: *оу Ладонги, на Мовозери* и *Гришки кожюхе*. Первая считалась антропонимом со странной фонетикой и неясной этимологией; Мовозеро не отыскивалось на географической карте, в третьем же случае подчеркнутое слово было единственным в древнерусском языке XI–XIV вв. примером родительного падежа принадлежности у одиночного антропонима а-склонения. В действительности буква *п*, появившаяся из-за пропуска слога *ги* перед словом *положили* в первой словоформе должна быть исключена из текста грамоты, что

дает прочтение *оу Ладѡ{n}зи* ‘в [городе] Ладоге’. Во втором случае текст необходимо иначе разделить на слова: *намо в озерѣ*. Эти две поправки позволяют более детально реконструировать прагматику текста: рыбаки Гришка и Коста оставляют вещи на хранение в Ладоге и отправляются на Ладожское озеро, а грамоту посылают в Новгород к родственникам, которые в случае гибели рыбаков смогут получить означенное в документе имущество. Если эта реконструкция верна, то глагол *възмете* в конце грамоты можно интерпретировать только как форму 2 л. мн. ч., устраняя его грамматическую амбивалентность. Наконец, синтаксический гапакс исчезает, если допустить, что перед нами ожидаемое притяжательное прилагательное *Гришки<не>*, последний слог которого был просто пропущен по невнимательности. Подробнее см. [Крылов, Соколов 2026].

§ 4.2 посвящен реинтерпретации двух фраз из берестяной грамоты № 600, введших в русскую историческую лексикографию гапакс *вытолъ* со спорной этимологией и неясной семантикой, и обоснованию новой трактовки отраженной грамотой ситуации в целом. Первую фразу, читавшуюся как *вытоло изловили*, предлагается, с допущением пропуска слога, понимать как *вы то ло<въ> изловили* (букв. ‘Вы выловили тот улов’). Вторая фраза, в которой предполагалась форма И. ед. *вытоле*, с учетом конфигурации остатков букв, прочитывается так: *а вы [бол]е того изловили* ‘А вы ещё больше выловили!’ Фразы соотносятся как речи тяжущихся сторон. Иную трактовку, по сравнению с исходным чтением, получают также глагол *урекиватися* (в контексте грамоты он означает не ‘обещать’, а ‘взаимно обвинять друг друга’) и сочетание *противу молва*, вводящее ответную реплику. В такой интерпретации грамота отражает типичное судебное разбирательство о пользовании чужими бобровыми угодьями. Предметом тяжбы стал вылов бобра местным населением, «хотынянами», две группы которых в приведенных речах перекладывают ответственность за преступление друг на друга. Подробнее см. [Крылов, Гиппиус 2026].

В главе 5 «Эрратология и текстология: статистика ошибок как инструмент критики текста» рассмотрен частный вопрос текстологии Повести временных лет (ПВЛ), ответ на который зависит от того, считать ли возможным

независимый пропуск *м* в слове *Комагини* в двух списках. В главе выводится формула вероятности того, что две одинаковых ошибки в одном месте совершены независимо двумя переписчиками: $p = 1 - (1 - p_1 * p_2)^n$, где p_1, p_2 – индивидуальная частотность ошибки данного типа у данного переписчика, а n – число позиций данной ошибки в тексте. Показано, что даже если взять за p_1 и p_2 среднестатистическую частотность пропуска интервокальной согласной в берестяных грамотах (5/18975), а за n – кол-во одиночных согласных в ПВЛ (66683), то вероятность независимого пропуска будет ничтожно мала: 0.46%. Если же учесть, что в книжных рукописях все виды элементарных ошибок случаются реже, чем в пергаменных грамотах, то она станет еще гораздо меньше. Текстологическое следствие этого тезиса: южнорусский источник протографа Радзивилловского и Московско-Академического списков восходит к линии одного Ипатьевского списка [Вилкул 2004, Girpius 2014], а не к общему протографу Ипатьевского и Хлебниковского [Введенский 2022].

В главе 6 «Древнерусский язык как иностранный: к выработке диагностических критериев» на основании двух наиболее ранних известных примеров древнерусского текста, написанного или переписанного иностранцем (черновик договора Риги с Полоцком 1405 г., Ревельский список Нибунова мира 1470 г.) выделяются достаточные критерии определения иностранного происхождения рукописи: прежде всего, это грамматические ошибки (употребление прямых падежей вместо косвенных, напр. *горою и вода*, нарушение согласования прилагательных по роду, напр. *без всякого хитрость*), но также закрепление в идиолекте писца орфограмм, недопустимых с точки зрения известных по древнерусским текстам графических систем (напр. *Любык-*). На основании этих критериев могут быть выделены еще четыре иностранных списка древнерусского текста: Рижский и Любекский списки Нибунова мира 1392 г., Рижский список послания Новгорода в Дерпт 1388 г., Опасная грамота Новгорода 1472 г. Что касается берестяных грамот, то среди них, на основании выделенных критериев, нет текстов, однозначно атрибутируемых иностранцам.

В **Заключении** подводятся следующие итоги. 1) Существовавшие до сих пор классификации ошибок не позволяли выявить неодинаковую частотность формально однородных классов ошибок в разных слоговых позициях. 2) Разработанная таким образом классификация выявляет ряд новых закономерностей, важных как с точки зрения исторической грамматики, так и в качестве инструмента рукописной текстологии. 3) В берестяных грамотах графические ошибки представлены существенно чаще, чем в пергаменных рукописях XII – XV вв. 4) Графические ошибки можно разделить на исправляемые и не исправляемые авторами. Первые, по-видимому, отражают ошибки записи правильно запланированной последовательности символов, вторые – ошибки такого планирования. 5) Наиболее частотные ошибки, такие как пропуск прикрытого слога, являются важным ресурсом интерпретации «темных мест» в берестяных грамотах. 6) Наиболее редкие ошибки, такие как пропуск интервокальной согласной, – важный статистический инструмент для рукописной текстологии. 7) Критериями «иностранности» древнерусского текста являются грамматические ошибки и противоречащие древнерусским графическим системам индивидуальные орфограммы писца. 8) Перспективы будущих исследований состоят в уточнении статистического подсчета графических позиций для каждого периода (что позволит точнее оценить частотность ошибок), в выявлении не описанных в данной работе классов редких описок, присутствующих в других не переписанных с антиграфа древнерусских текстах (памятниках вещевой и настенной эпиграфики, записях в книгах, новых берестяных грамотах), в проверке «критериев иностранности» на материале текстов XV – XVI вв.

Публикации автора, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Крылов, Д. С. Поправки к чтению новгородской берестяной грамоты № 307 / Д. С. Крылов // Русский язык в научном освещении. – 2023. – № 1 (45). – С. 144–159. (ВАК, Web of Science). Объем 1,0 п.л.

2. Крылов, Д. С. Количественный анализ пропусков согласных в средневековых славянских рукописях и *stemma codicum* Повести временных лет / Д. С. Крылов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2026. – № 1 (103). – С. 123–137. (**БАК, Web of Science**). Объем 1,2 п.л.
3. Крылов, Д. С., Гиппиус А. А. «Вытол» изловили: к истолкованию мнимого гапакса берестяной грамоты № 600 / Д. С. Крылов, А. А. Гиппиус // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2026. – № 1 (47). – С. 211–221. (**БАК**). Объем 0,7 п.л. (вклад соискателя – 0,35 п.л.)
4. Крылов, Д. С. Соколов, М. А. Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою? / Д. С. Крылов, М. А. Соколов // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. – 2026. – Vol. 15, № 1. – С. 253–264. (**БАК, Web of Science, Scopus**). Объем 0,7 п.л. (вклад соискателя – 0,35 п.л.)